

ГОРКИ

ПРАВОСЛАВНЫЕ

«Желай, христианин, не долгой жизни, как сыны века сего делают, но желай блаженной кончины.»
(Святитель Тихон Задонский)

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ МОСКОВСКАЯ ЕПАРХИЯ
 ВЯДОВСКОЕ БЛАГОЧИННОЕ ХРАМ ПЕРВОСВЯТИТЕЛЕЙ МОСКОВСКИХ

«ПОБЕДА НАД СТРАХОМ И ПОБЕДА НАД СМЕРТЬЮ»

(Игумен Нектарий (Морозов), Источник: Православие.ru)

Есть множество вещей, которых люди боятся. И множество вещей, причиняющих нам боль. Но ничто не сравнится в этом отношении со смертью. Человек ощущает боль, испытывает страх не только тогда, когда помышляет о конечности собственной жизни или сталкивается со смертью лицом к лицу. Он не может равнодушно думать об уходе близких, скорбит, страдает, когда приходит пора расставаться с теми, кого он любит, кто ему по-настоящему дорог.

Мне приходилось встречать немногих людей, которые очевидным образом страх смерти побеждали. Когда-то один из них, Герой Советского Союза, человек, совершавший подвиги так просто и обыденно, что они казались чем-то естественным для него, отвечая на вопрос, как не бояться смерти, сказал: «Для этого нужно просто преодолеть инстинкт самосохранения». Но даже эти люди, и он в том числе, не могли не относиться к смерти как к трагедии, не чувствовать ее ужас, ее противоестественность.

И странно было бы, если бы кто-то воспринимал это иначе: мы ведь не для смерти созданы, а для жизни – вечной и блаженной. Смерть стала следствием грехопадения, его результатом, она не есть что-то природное, само собой разумеющееся для нас. Она и в самом деле – трагедия.

И люди по-разному пытаются с этой трагедией разобраться. Кого-то страх смерти парализует, кто-то, наоборот, гонит от себя мысль о том, что рано или поздно его путь на земле закончится, кто-то надеется на то, что переселение душ – реальность и хоть как-то, в каком-то виде, но он все же продолжит свое существование.

А христианин... Христианин верит в то, что жизнь со смертью не оканчивается, что мы после нее переходим в иной, неведомый нам, но оттого еще более прекрасный мир, если, конечно, оказываемся его достойны. Верит... Или, точнее, должен верить. А если не верит, то, наверное, и не христианин он вовсе. Ведь отношение к смерти – это своего рода лакмусовая бумажка: если лишь к земному прикованы наши помышления, лишь с земным связаны все наши надежды, если не простираются наша мысль и наше упование за пределы временного, нет в нас чаяния жизни будущего века, то вера наша формальна, подобна евангельскому дому, построенному на песке, который в момент испытания, *когда пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот*, не устоял, но упал, и было падение его великое (Мф. 7, 27).

Смерть – момент испытания, испытания последнего и оттого наиболее важного. Она проявляет все, что есть в человеке, что собрал, скопил он за время своего долготного странствия. Она отделяет ложное от истинного, фальшивое от подлинного, излишнее от необходимого. И больше того: она словно все знает о человеке и все может сказать о нем ему самому и тем, кто рядом – какой он, кто он. Образ откуда-то из детства: человек в халате с металлической палочкой в руке наносит легонький удар по хрустальной вазе и прислушивается: если звук надтреснутый, короткий, то в вазе – дефект, а если чистый, долгий, то дефектов нет никаких, изделие к употреблению годно. Вот и смерть – такой же человек в халате и с палочкой, а мы все – изделия, проходящие проверку. И тем ответственной, тем страшнее она, что последняя: изменить после нее ничего не удастся. Оттого-то и призываемся мы все готовиться к ней – так, как ни один самый ревностный студент не готовится к самому трудному экзамену.

Схиархимандрит Софроний (Сахаров) свидетельствует: для многих афонских отцов обычным было не выносить своего суждения о собрате до поры до времени, а говорить: «Подождем. Посмотрим, как он умирать будет...». И именно смерть отвечала им на вопрос: каков был подвиг монаха, угоден ли был он Богу или же ошибочен, или даже лицемерен, в истине ходил брат или же в прелести пребывал.

Смерть знает о нас все, но мы должны знать не меньше – о себе и о ней. И мы должны всматриваться в себя и смотреть за тем, как проявляет нас – нет, не смерть, а повседневная жизнь. Смотреть, как откликаемся, как отзываемся мы на те промежуточные испытания и экзамены, которыми наполнен каждый новый день. И час. А порой и каждая минута. Следить наряду с этим и за тем, как отзывается на мысль о смерти наше сердце, что обретается тогда в нем: страх, отчаяние, надежда или же... радость?

Безусловно, чтобы научиться правильно относиться к смерти, нужно пытаться понять, уяснить для себя, как уходили в вечность святые. Это душеполезно, это назидательно, это действительно необходимо.

Но нет все же, наверное, в этом плане урока для нас более важного, чем Успение Пресвятой Богородицы – то переселение, тот переход от земных к небесным, который собственно смертью язык никак не поворачивается назвать. Тут приоткрывается некая дивная тайна: что является смертью на самом деле, а что мы этим словом по ошибке, хотя и привычно, и уверенно, называем.

Это ведь некий камень преткновения для многих, загадка, не получающая ответа, разрешения, откладываемая сознанием «на потом»: как же мы читаем, говорим о том, что Христос смертью смерть поправил, но вот она – день за днем мы так или иначе видим ее, сталкиваемся с ней, люди умирают, как умирали и до Пришествия Спасителя в мир? Как совместить одно с другим?

Но в действительности то, что мы именуем смертью, не есть смерть, это и правда больше похоже на сон: мы засыпаем здесь, а пробуждаемся вновь в ином, неземном краю. А смерть... Смерть настоящая, бесконечно страшная – это отлученность от Бога, невозможность быть с Тем, Кто есть Источник жизни и одновременно Сама Жизнь. Вот от нее, от этой смерти и пришел избавить нас Сын Божий, и избавил, и у каждого человека появился этот удивительный и вместе страшный выбор: жить или умирать. И совершается он не в какой-то определенный момент (если только не о мучениках мы говорим!), а проходит через всю жизнь человека, становится ее венцом.

Жизнь Пресвятой Богородицы была в этом смысле жизнью в высшей степени подлинной – в ней дыхание смерти даже не ощущалось. Ведь дыхание смерти – грех... Когда-то преподобный старец Силуан, услышав, как читается в храме отрывок из книги пророка Исаии, при словах: *Измыйтесь, и чисти будете* (Ис. 1, 16), подумал: «Быть может, Божия Матерь согрешила когда-нибудь хотя бы мыслию?». И тут же в его сердце вместе с молитвою голос ясно проговорил: «Божия Матерь никогда не согрешила даже мыслию». «Так Дух Святой в сердце моем, – пишет старец, – свидетельствовал чистоту Ее».

Но чтобы не подумал кто-то, что Пречистая была не как все прочие люди, что не было в Ней решительно никакого присущего людям несовершенства, добавляет он: «Во время земной жизни у Нее была некоторая неполнота и безгрешные ошибки несовершенства. Это видно из Евангелия, когда Она, возвращаясь из Иерусалима, не знала, где Ее Сын, и потом вместе с Иосифом три дня искала Его (ср. Лк. 2, 44 – 46)».

Не было в жизни Богородицы греха как противления Богу, не было ничего, что отлучало, отчуждало бы Ее от Него. *Се Раба Господня...* (Лк. 1, 38): в этом ответе все существо Ее жизни как всецелой преданности воли Божией, такой преданности, такого всецелого с волей этой спасительной согласия, какого не было никогда ни в ком ни до Нее, ни после на земле.

И потому не было и быть не могло страха перед смертью: Она знала, куда и к Кому идет, переступая границу между миром дольным и горним. Христос, Ее возлюбленный Сын, был Ее жизнью на земле и в еще большей, несказанно большей степени – в вечности. Отчасти, в какой-то хотя бы степени объясняют нам таинство того, что скрывалось в душе Божией Матери, слова апостола Павла: *Для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение* (Флп. 1, 21) и следующие за ними: *Имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше* Флп. 1, 23).

И потому в жизни Пречистой Девы Марии и в Успении Ее – ответ для нас на вопрос: как победить не только страх смерти, но и самую смерть. Жить так, чтобы ничего важнее не было для нас, чем быть со Христом. Чтобы со всем, что отдаляет, отлучает нас от Него, не сближалось, не срасталось сердце наше, чтобы искало оно той свободы от греха, которую лишь Он может дать. Чтобы любовь к Нему – не на словах, не в мыслях, а самым делом проявляемая и взращиваемая – давала нам понимание того, что если здесь с Ним так хорошо, то как же хорошо – там...

...Смерть и для нас из трагедии, из ужаса, из боли может претвориться в успение, в тихий и покойный сон, разрешиться пробуждением – в радости, в свете, в жизни, в которой ее, смерти, уже никогда не будет.

телефон храма: **8-925-353-00-75** сайт: **1svt.ru** электронная почта: **1svt@bk.ru**

БРАТЬЯ И СЕСТРЫ!

ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ИСПОЛЬЗУЙТЕ ЦЕРКОВНЫЙ ЛИСТОК В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ НУЖДАХ.